

Экономическая философия антиинфляционной политики

Юрий Чернов

Дилемма антиинфляционной стратегии в экономическом ракурсе

*Философия есть искусство свободного познания
через творчество идей, часто противостоящих
жизненной обыденности и эмпирической данности.
Н.А. Бердяев*

Научно-исторический анализ инфляционных процессов позволяет сделать вывод, что по своему происхождению и по своим результатам инфляция является социальным и политическим феноменом не менее, чем экономическим. Стремление правительственных экономистов объяснить современную инфляцию, используя только финансовые факторы, в целом оказалось ошибочным и неэффективным для решения проблемы построения антиинфляционной стратегии.

По нашему глубокому убеждению, инфляция должна быть понята как процесс проявления в латентной форме конфликтов между различными социальными слоями общества, а также между различными финансовыми группировками олигархического типа при распределении национального дохода в борьбе за овладение инструментами кредитно-денежной политики. Поэтому намерение подчинить инфляционный процесс средствами исключительно ограни-

чительной монетаристской политики непродуктивно и, в конечном итоге, извращает всю перспективу борьбы с инфляцией. Стремление достичь нулевой инфляции любой ценой будет означать перевод острых социальных конфликтов из экономической области в сферу политического противостояния, где конфликты неизбежно примут более радикальную форму. Этим, прежде всего, и опасен "рыночный фундаментализм" (термин Дж. Сороса).

ЧЕРНОВ Юрий Иванович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории Стратегии экономического развития ЦЭМИ РАН.

Ключевые слова: инфляция, безработица, экономический рост, монетаристская и конфликтная теории инфляции, макроэкономические издержки инфляции, экономическая философия антиинфляционной политики.

Практический и нетривиальный вывод состоит в том, что благодаря умеренной и контролируемой инфляции можно ослабить социальное напряжение. В этом смысле регулируемая инфляция может действовать как "предохранительный клапан" для сброса давления накопившихся социальных конфликтов. Отвлечение межклассовой вражды на борьбу с инфляцией может помочь выиграть время для улаживания мирным путем политических конфликтов, которые в отсутствие умеренной инфляции были бы более взрывоопасными.

При такой ситуации вполне понятно ироническое замечание Дж.-М. Кейнса: "Лучше пусть граждане тиранят свои банковские счета, чем общество".

Для того, чтобы макроэкономические инструменты стабилизации спроса стали более эффективными, например, главный экономист Международного банка развития и реконструкции (МБРР) Л. Саммерс доказывает необходимость небольшой инфляции в 2-3%, позволяющей получить отрицательную процентную ставку, которая, стимулируя инвестиции, поможет вытащить экономику из депрессии.

Кризис развития экономики РФ, прежде всего, вызван был катастрофическим переходом к монетарным средствам управления экономикой и антигуманным методом приватизации, спровоцировавшими бурное развитие инфляционных процессов и резкое расслоение общества по уровню получаемых доходов и благосостояния.

Следует поставить под сомнение исходное утверждение наших либералов монетаристского толка о том, что инфляция является неизбежным результатом перехода к демокра-

тии, и избавиться от экономических пороков прошлого (денежный "навес", товарный дефицит и др.) можно лишь через вполне осознанное разжигание инфляционных процессов. Решающую роль сыграла здесь ложная (а можно сказать и фатальная) идея наших рыночных радикалов, согласно которой эффективным противоядием товарного дефицита является либерализация цен.

Предполагалось, что резкий, "шоковый" рост цен снизит интенсивность дефицита и поможет заполнить товарами полки магазинов. Обманчивая простота этого подхода скрывала основной инструмент решения проблемы - резкое снижение покупательной способности населения и, следовательно, его жизненного уровня в результате ничем неоправданного взрывного роста цен.

Ошибочность экономической доктрины реформаторов состояла, прежде всего, в предположении о существовании в нашей экономике прямой зависимости (наподобие кривой Филлипса) "дефицит - инфляция", когда усиление одного сопровождается ослаблением другого. Однако взаимозависимость по линии "дефицит-инфляция", на наш взгляд, может иметь место лишь в полностью монетаризированной экономике, в которой бюджетные ограничения носят жесткий характер как для большинства предприятий, так и для домашних хозяйств. Только при этих условиях посредством либерализации цен можно "осушить" накопившийся избыточный спрос, и только в этом случае бюджетные ограничения могут служить инструментом снижения товарного дефицита.

Совсем иное положение наблюдалось в российской экономике, которая была только полумонетаризи-

рована (термин Я.Корнаи), имела мягкие бюджетные ограничения, а потому слабо рагировала на повышение цен неизбежным сокращением спроса на производственные ресурсы, остававшиеся в такой ситуации по-прежнему дефицитными. Дефицит при этом воспроизводится как при стабильных, так и при растущих ценах, поскольку существуют институциональные условия его воспроизводства и нарушена жесткость связи "дефицит-инфляция".

Отсюда становится понятна ошибочность утверждения монетаристов о том, будто их стараниями заполнены полки магазинов и дефицит исчез - а он просто "перетек" в другие формы (взаимные неплатежи предприятий, невыплата зарплат, беспрецедентное снижение уровня потребления большей части населения).

Поэтому понятно, почему до сих пор общество не получило от правительственных экономистов монетарного толка внятного ответа на вопрос: по какой причине проводимые радикальные реформами экономические реформы напрямую связаны с возникновением мощных инфляционных процессов в нашей экономике? В связи с этим можно поставить и более сложный вопрос: какие макроэкономические пределы ставит инфляция темпам экономического роста?

На наш взгляд, ответы на эти вопросы можно получить только в рамках антиинфляционной стратегии, имея в виду, что главная ее цель - не допустить, чтобы наблюдаемый экономический подъем выродился в инфляционное развитие .

В нашем обществе еще не созрело понимание того, что корни инфляции лежат глубоко в соци-

альных и политических конфликтах и, прежде всего, в серьезных ошибках в управлении экономикой либеральными правительственными экономистами.

Общеизвестно, что самые опасные предрассудки в политэкономии это те, которые замалчиваются и не выговариваются. Особенно их много в философии экономического либерализма, одним из основных постулатов которого является следующий: экономика в целом должна следовать рыночным законам частного предпринимательства. И это несмотря на то, что хозяйственная практика повседневно убеждает нас, что рынок сам по себе не организует порядок в экономике, а подчас и является сильнейшими дестабилизирующим фактором не только экономического развития, но и самой социополитической системы. Ведь недаром известный экономист И.Шумпетер определяет "капитализм как процесс креативной деструкции".

Односторонность консервативной догмы монетаристов особенно отчетливо проявилась в их убеждении, что инфляция есть корень всех экономических зол и что борьба за стабильность цен есть ключ к экономическому росту.

Вне их поля зрения находится социально-политический анализ инфляции и те громадные экономические потери, которые были вызваны так называемой борьбой с ней. Данные о масштабах макроэкономических издержек, связанных с инфляцией и выражающихся в потерях ВВП и неизбежным при этом снижении занятости трудовых ресурсов, весьма впечатляют.

Однако самые большие издержки инфляции связаны с абсолютной убылью населения в эти порефор-

менные годы. И если вдуматься, то убыль населения - это и есть интегральный показатель эффективности функционирования государства как такового, поскольку именно безработица и инфляция определяют низкий уровень благосостояния граждан, активным образом содействуя их депопуляции.

Не подлежит сомнению утверждение, что рынок и инфляция являются сильнейшими дестабилизирующими факторами запустившими в действие процесс дегуманизации всего общества, когда "самоценность человеческой жизни в настоящем отрицается и теряется смысл серьезного труда, который лежит за пределами социальной обыденности" (Н.А.Бердяев).

Самое главное и трагичное состоит в том, что в условиях перманентно устойчивой инфляции цена человеческой жизни в России за последние 15 лет в ходе монетаристского эксперимента стала слишком низкой, чтобы ею можно было бы дорожить. И в этом обесценивании жизни, прежде всего, и проявляется, на наш взгляд, антигуманное действие российской инфляции, ее смертельный итог, оцениваемый демографами абсолютным сокращением народонаселения на 11 млн. чел. (в терминах официальной статистики это гигантская потеря народа весьма цинично именуется как "естественная убыль населения").

В стране нет жизнеспасающего общественного климата именно потому, что у правительства отсутствует ясное понимание социально-экономических проблем, связанных с демографическим кризисом. В программах правительственных экономистов отсутствует глав-

ный критерий - рост народонаселения и повышение ожидаемой продолжительности жизни, которыми, прежде всего, и должны определяться те или иные программные решения.

Заметим, что к чести российских ученых еще в 1995 г. на основе прогнозной информации впервые были сделаны оценки возможных экономических потерь, обусловленных демографическим кризисом².

Выводы из этих исследований были удручающими: убыль населения в трудоспособном возрасте для прогнозируемого периода была эквивалентна людским потерям в крупномасштабной войне, а потери ВВП от снижения народонаселения вместе с экономическими потерями от безработицы составили примерно 15% ВВП.

Демографическая ситуация в России на начало 2008 г. вопреки официальному оптимизму властей продолжала ухудшаться.

Численность населения России за 2007 г. уменьшилась на 520 тыс. чел.

Смертность превышает рождаемость в среднем в 1,8 раза, а в отдельных регионах в 2-3 раза.

Ежегодно Россия безвозвратно теряет по численности населения целую область, примерно равную Псковской, или крупный город, такой как Краснодар.

За последнее десятилетие на 40% сократилось население на Дальнем Востоке и на 60% на Крайнем Севере.

В Сибири за последние годы "исчезло" 11 тыс. деревень и 290 городов.

Демографическая ситуация в нашей стране усугубляется еще и постоянным ухудшением качества имеющегося человеческого капитала.

По оценкам Института социально-экономических проблем РАН, каждый год численность инвалидов возрастает у нас на один млн. чел.

Сейчас в стране 10 млн. инвалидов, де-

тей среди них - 600 тыс. Из-за общей тенденции старения населения с 2008 г. в России начнет ухудшаться соотношение работающих и пенсионеров. Если ранее на одного пенсионера приходилось 1,7 работающего, то сейчас их станет уже полтора.

Наши либеральные экономисты как-то подзабыли, а может быть и не ведали, что социально-экономическое развитие страны измеряется, прежде всего, прирастанием ее населения, улучшением качества его жизни. Поэтому при формировании Концепции социально-экономического развития страны до 2020 г. этим показателям, по нашему глубокому убеждению, надо придать критерильный харктер для решения жизненно важной (в буквальном смысле слова) и долговременной задачи российского общества - "сбережения гибнущего народа" (определение А.И. Солженицына из его интервью "Написано кровью", август 2007 г.).

По прогнозам экспертов Всемирного Банка (ВБ) за 20 лет (с 2005 г. по 2025 г.) население России может абсолютно сократиться на 17 млн. чел.

В докладе ЦРУ США под названием "Тенденции мирового развития в 2015 году", в разделе, посвященном России, делается вывод, что главной проблемой будет проблема депопуляции населения, на нашу страну в буквальном смысле слова обрушится эпидемия смертности, происходящая на фоне невысокой рождаемости.

И как бы предвидя эти ужасающие факты нашей теперешней действительности, передовая русская философская мысль устами Ивана Ильина весьма афористически определила, что "... смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний". Поэтому мы не можем разделить излишний

оптимизм некоторых экономистов относительно исправления демографической катастрофы. Дело в том, что даже если огромный подъем смертности второй половины 90-х годов и начала 2000-х годов уйдет в прошлое, *накопленная инерция смертности* будет существовать в последующем десятилетии и определять убыль населения именно потому, что высокая вероятность смерти от ряда причин будет сочетаться с относительно молодым возрастом смерти, так как сохраняются условия, ограничивающие возможности борьбы за сохранение человеческой жизни, в результате чего устанавливается низкая цена жизни (вследствие низкого качества жизни) на шкале общественных ценностей.

Не стоит забывать, что демографические процессы обладают громадной инерционностью.

В картинах будущего развития России, рождаемых для нас экономистами монетарного толка, начисто отсутствует основной движитель этого развития - человек. Поэтому монетаризм как направление экономической мысли по аналогии с известным направлением в изобразительном искусстве можно обозначить как *экономический футуризм*, в котором за формальными изысками фактически исчезает человек с его реальными жизненными проблемами.

Наиболее яркой иллюстрацией этой характеристики наших монетаристов может послужить недавно опубликованный Министерством экономического развития и торговли (МЭРТ) в проекте Концепции развития России до 2020 г. демографический план правительства, предусматривающий рост численности на-

селения страны до 145 млн. чел. Аналитики считают этот прогноз не только рекордом нереализуемости, но и безответственности перед народом. Согласно ежегодному мониторингу ООН в области народонаселения в России продолжается демографический кризис.

Рождаемость упала ниже уровня простого замещения поколений. Смертность примерно в 1,5 раза превышает рождаемость, население в последние годы ежегодно сокращается на 500-700 тыс. чел.

Увеличить среднюю ожидаемую продолжительность жизни до 75 лет можно только теоретически, да и только при условии революции в здравоохранении и образе жизни россиян. За счет привлечения приезжих мигрантов можно компенсировать лишь 15-20% демографической убыли населения. Следует особо здесь отметить, что по официальному прогнозу Росстата, численность населения сократится к 2020 г., по разным сценариям, до 132 или до 138,5 млн. чел.

Для решения самой серьезной гуманитарной проблемы - росту народонаселения - формирование подлинной экономической стратегии должно ориентироваться, прежде всего, на социальную структуру общества и перспективу ее развития.

В этом контексте любая постановка экономических проблем, в том числе и задача борьбы с инфляцией, должна быть адекватной сложности социальных проблем перспективного развития страны. Поэтому только на основе социальных критериев можно доказать эффективность решения и самих экономических проблем.

С общефилософской точки зрения это утверждение обосновывается известной теоремой Геделя: истинность той или иной

теории нельзя доказать методами этой теории, для этого надо выйти за рамки этой теории и искать их в других теоретических построениях.

Отсюда следует, что для корректного решения экономических проблем крайне необходимы *социополитические критерии*. Такой подход отвечает интеллектуальной традиции русской философской мысли - рассматривать экономические проблемы сквозь призму их гуманитарного значения. На понимании экономической жизни как социального служения и построена недавно выдвинутая академиком Д.С. Львовым *доктрина нравственной экономики*³.

С практической точки зрения, в наших условиях деидеологизированной государственности абсолютно необходима социальная идеология, которая оказалась бы не только экономически полезной, но, прежде всего, благоприятствовала социальному согласию и решению проблемы народосбережения.

Эту традицию грубо нарушили правительственные экономисты монетарного толка, не ведавшие страха перед катастрофическими последствиями своих реформаторских действий. Только по этой причине они не знали этических границ в монетаристском эксперименте на живой ткани экономики. И нужно было много времени, чтобы стала заметной вся опасность внедрения в экономику ложных идей "рыночного фундаментализма". (В этом весьма откровенно признался недавно замминистра МЭРТ А.Р. Белоусов).

Социальный аспект инфляции имеет коренное теоретическое значение и огромную практическую важность. Ведь принцип, на котором почти неизменно основывались все рекомендации монета-

ристов, состоял в том, что сокращение денежной массы будет вести к понижению темпов инфляции, а увеличение - к их повышению. При этом вредоносное действие инфляции связывается, прежде всего, с обесцениванием денежной массы.

Именно на этом настаивают рыночные радикалы - сторонники монетаристской теории инфляции. Но при таком подходе чрезмерно упрощена теоретическая сторона проблемы, так как здесь обращается внимание лишь на воздействие изменения денежной массы на общий уровень цен - в стороне остается изменение самой структуры цен. Вне поля зрения монетаристов остаются самые важные последствия инфляции:

- социальное расслоение общества;
- дезорганизация ресурсных потоков;
- спад производства и рост безработицы.

И самое главное - монетаристский анализ экономики вне рамок ее социальной структуры не позволяет составить правильное представление о механизме протекания инфляционных процессов и, следовательно, не способствует формированию эффективной антиинфляционной стратегии.

Монетаристы убеждены, что кредитно-денежной политикой можно эффективно управлять инфляцией.

Альтернативная точка зрения, которую мы представляем, не признает за денежной экспансией роль фундаментального, причинного фактора инфляции и предполагает, что движущей силой роста цен наряду со структурными факторами, является процесс согласования конфликтов по поводу распределения на-

ционального дохода между различными слоями общества.

С позиций так называемой *конфликтной теории инфляции* **равновесный, стабильный уровень инфляции является неизбежным результатом разрешения (в том числе и политическими средствами) социальных конфликтов, связанных с получением конкурентных преимуществ в процессе распределения национального дохода между трудом и капиталом при помощи механизма, формирующего инфляционную спираль "цены - зарплата - цены"**.

Особенно явственно политэкономический аспект инфляции проявляется в перераспределительных эффектах национального дохода. Инфляция перераспределяет национальный доход в различных направлениях в зависимости от скорости, с какой реагируют на нее различные социальные группы, вызывая резкое расслоение общества. И в этом смысле можно сказать, что инфляция является инструментом изменения социальной структуры общества. Основная проблема состоит не только в том, чтобы определить масштабы вызываемых инфляцией перераспределительных эффектов, а в том, чтобы идентифицировать экономические механизмы и те каналы, по которым инфляция сдвигает доходы от одних социальных групп населения к другим, то есть инфляция способствует повышению благосостояния одного социального слоя за счет снижения доходов другого слоя. А в конкретной рыночной среде, ориентированной на максимизацию прибыли, через инфляционный механизм происходит перераспределение национального дохода в пользу держателей капитала

за счет "обесценивания ценности чужого труда" (термин С.Ю. Витте).

Именно это обесценивание результатов чужого труда за счет его неполной оплаты и неправомерного присвоения рентных доходов от добычи и продажи сырьевых ресурсов и привели значительную массу трудящихся России к нищете, активным образом содействуя в последние 15 лет невероятной для мирного времени депопуляции населения. Основные причины массовой нищеты - безработица, отсутствие достаточного количества высокодоходных рабочих мест, перманентно высокая инфляция, которые все вместе напрямую связаны с недемократичным распределением национально-го дохода*.

Наиболее неудачными, а лучше сказать провальными, оказались действия монетаристов, связанные с мерами по сдерживанию инфляции за счет вывода финансовых ресурсов из экономики при помощи Стабилизационного фонда, деньги которого вывозятся из страны и вкладываются в иностранную валюту и ценные бумаги западных стран. По мнению экспертов Всемирного банка, Россия уже достаточно накопила на "черный день" и может инвестировать средства Стабфонда. Если этими деньгами распорядиться с умом, например, инвестировать их в акции, то доходность вложений может быть исключительно высокой.

Чтобы продемонстрировать, сколько можно заработать на Стабилизационном фонде, специалисты Всемирного банка гипотетически представили, как может действовать российское правительство в усло-

виях постепенного снижения цен на нефть до 40 долл. за баррель. Накопив в Стабфонде определенную "несгораемую сумму", правительство сначала осторожно инвестирует половину Стабфонда в трехмесячные государственные векселя, а другую половину - в более долгосрочные облигации. В 2008-2010 гг. уже треть денег будет вложена в акции, а с 2011 г. их доля вырастет вообще до 60%.

Цифры возможных доходов потрясают воображение.

"Если правительство инвестирует фонд в соответствии с предложенным сценарием и ничего не тратит до 2030 г., благосостояние России увеличится на дополнительные 818 млрд. долларов, при этом объем фонда увеличится до 2,29 трлн. долларов, или 43% прогнозируемого ВВП в 2020 году".

Эти гипотетические доходы можно трактовать совершенно по-другому, а именно как упущенную выгоду вследствие монетаристской зашоренности наших правительственных либеральных экономистов.

Для нас остается лишь неясным ответ на вопрос: какую меру наказания получат эти господа за столь безответственное обращение с государственными финансами?

Многое непонятное в действиях правительственных экономистов по обузданию инфляции может объяснить тот факт, что в менталитете наших рыночных радикал-реформаторов отсутствует понятие хозяйственной жизни как социального служения. Их ориентация на западные стандарты привела к идейной бедности всех реформаторских программ и в настоящее время остро стоит задача поиска нового, отличного от либерального, идейного измерения в системе координат общественного развития*.

* В Российской Федерации 17% населения живет в нищете, тогда как по общемировым стандартам для присвоения статуса «нищей страны» этот процент не должен превышать 7%.

* Д.А. Медведев недавно предложил решить эту задачу путем создания «Фабрики идей», наверное по ассоциации с известной ТВ программой «Фабрика звезд».

Во все времена идеология, получившая массовое распространение, становится ведущим фактором исторического развития общества.

Дж.-М. Кейнс, будучи выдающимся "генератором" радикальных экономических идей, неоднократно высказывался на этот счет: "Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением идей. И нужно время, чтобы этот процесс принес свои плоды. В области экономической политической философии идеи экономистов и политических мыслителей - и когда они правы и когда ошибаются - имеют гораздо большее значение, чем принято думать. Можно утверждать: в действительности только они и правят миром, а не сила частного интереса⁴".

Стоит заметить, что подобные мысли еще раньше возникали у классиков русской литературы.

"Тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует!". Это - М.Ю. Лермонтов.

А по Пушкину А.С.: "Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли".

Философский аспект экономического развития определяется тем очевидным фактом, что экономика невозможна без соответствующей социальной структуры и общественной психологии, определяющей морально-нравственные устои.

В процессе расширения бюрократизации экономической жизни современной России наши либеральные экономисты как-то подзабыли, что для настоящего реального человека "время - не только деньги", что человеку не только надо прожить во времени и пространстве, но и оправдать свою жизнь в собственных глазах. Человеку и человеческому обществу необходимо что-то любить больше, чем собственное существование, чему-то высокому служить, чему-то себя посвящать!

Особо следует подчеркнуть, что уже с древних времен философы всегда стремились размышлять о человеческом мире в первую очередь как о мире смыслов, знаков, символов, значений. Это и породило известную философскую сентенцию о грозящей опасности бессмысленности существования: "Ради самой жизни отрешиться от ее смысла" ("*propter vitam vivendi perdert causas*").

Наиболее наглядным примером бюрократического подхода к социальным процессам является постановка нашими рыночными радикалами задачи по созданию в стране среднего класса.

По версии чиновников из МЭРТ, к 2020 г. в стране необходимо иметь 30-40% населения, относящегося к среднему классу, который и будет предопределять устойчивое развитие экономики. Такой подход у нас вызывает резкое возражение именно потому, что достижение какой-то процентной нормы и тем более от численности граждан, и тем более неясно по каким признакам - заведомо непродуктивен и имеет явно бюрократический характер.

Отнесение граждан к среднему классу, например, на основании равенства их доходов и размера частной собственности каким-либо нормам, по нашему мнению, есть метафизически пустая идея. Классовая принадлежность граждан определяется, прежде всего, исторически (и если хотите, генетически) предопределенным их самосознанием в процессе их самоутверждения в жизни общества.

И социальный статус каждого гражданина должен основываться на достоинстве каждой личности, а не на основе норм, устанавливаемых правительственными чиновниками.

Мало кому известна резкая критика подобных затей по классовому переустройству общества русского философа Н.А. Бердяева: "Нельзя создать нового челове-

ка и новое общества, объявив хозяйственную жизнь обязательным делом чиновников. Это есть не социализация хозяйства, а его бюрократизация".

Для обсуждаемой темы эти факты имеют то значение, что намерение "создать" средний класс перераспределением потоков доходов и наращиванием имущественных прав в условиях нестабильных рынков могут спровоцировать очередные "волны инфляций", что в итоге весьма осложнит проведение антиинфляционной политики.

Основной дефект макроэкономического анализа инфляции и ее прогнозных оценок, проводимого правительственными экономистами, состоит в том, что традиционное описание инфляционного процесса явным образом исходит из допущения о независимости всех основных сторон экономического роста (производительности труда, роста занятости трудовых ресурсов или роста безработицы, изменения демографического потенциала, распределения национального дохода и др.), которые не взаимосвязаны общей концепцией экономического развития.

Либеральные демократы не занимаются исследованием и количественным описанием так называемых "волн инфляции" и их кумулятивным воздействием на изменение структуры хозяйственных связей.

Нет ответа и на вопрос: какие пределы ставит инфляция темпам роста ВВП?

И самое главное: какие макроэкономические издержки несет государство от перманентно устойчивой инфляции?

Решение последнего вопроса, его значимость определяется тем, что российская экономика после-

днее десятилетие живет с двузначной инфляцией и наиболее большим вопросом для правительственных экономистов является решение задачи по сокращению темпов инфляции до уровня ниже 10%, что по любым макроэкономическим стандартам одно из основных условий как благоприятного климата, так и устойчивого экономического роста.

В правительственных программах отсутствует макроэкономическое видение последствий влияния инфляции на воспроизводственный процесс в целом, в частности на динамику рынка труда. Здесь следует отметить, что недостаток макроэкономического анализа правительственных экономистов в том именно и состоит, что все эти расчеты (в том числе и прогнозные оценки) явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов (инфляция, безработица, распределение доходов и т.д.). Эти прогнозы теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы.

Наглядным примером сказанному может быть ошибочный прогноз инфляции в подготовленной МЭРТ программе социально-экономического развития на 2003-2005 гг., в которой несмотря на уроки сравнительно недавней экономической истории, опять была поставлена задача дезинфляции, а именно: резкое двукратное снижение инфляции к 2005 г. до 6-7%, а к 2007 г. - до 4%.

Безработица прогнозировалась на уровне 7-8% при практически стабильных темпах роста ВВП.

Проведенный анализ после публикации этого прогноза показал нереалистичность правительственных установок на снижение темпов инфляции.

Почему, на наш взгляд, не могла быть так резко снижена инфляция? Наша аргументация состояла в следующем:

Во-первых, и это главное, в программе на эти годы был заложен стабильный, приближающийся к его нормальному уровню показатель безработицы.

В этих условиях, согласно нашей теоретической концепции, инфляция вынуждена будет стремиться к своему равновесному, стабильному уровню и все попытки резко ее торможения (снижения в 2 раза в течение 2 лет) чреваты падением деловой активности и, как следствие, ростом безработицы, чего вообще и не предусматривала эта правительственная программа.

Во-вторых, прогнозируемое снижение инфляции не подкреплялось значительным повышением темпов роста производительности труда, что является наипервейшим условием успешной борьбы с инфляцией.

Именно по этим причинам программные установки по снижению инфляции были не выполнены, оказавшись в 2007 г. в 3 раза выше установленных.

И все эти серьезные ошибки в прогнозах инфляции происходят по той причине, что показатели безработицы носят пассивный характер и никак не рассматриваются в качестве регулирующего параметра антиинфляционной политики. Фундаментальная связь между инфляцией и безработицей остается "незамеченной" правительственными экономистами, по всей видимости, из-за их "монетаристской зашоренности".

Научными исследованиями, в том числе с помощью математических моделей, доказано, что в основе взаимосвязи рынка труда с макроэкономическими характеристиками воспроизводственного процесса должен лежать принцип, согласно которому существует устойчивая тенденция для ускорения инфляционного роста зарплаты в зависимости от того, в какой мере находится фактическая безработица от ее равновесного уровня. Этот уровень устанавливается при стабильной инф-

ляции, он определяется всей структурой экономики в ее равновесном состоянии и измеряет тот минимум незанятости трудовых ресурсов, который необходим для предотвращения ускорения инфляции.

Согласно предпосылкам современной макроэкономической теории рынка труда, среди его основных параметров наиболее действенный, определенный как "неускоряющая инфляцию норма безработицы" (в английской аббревиатуре обозначаемая как "NAJRU"), к которой тяготеет экономика и при достижении которой темп инфляции остается неизменным. Взаимосвязь между условиями рынка труда и инфляционным процессом основывается на том, что имеется устойчивая тенденция роста инфляции, по мере того как безработица отклоняется вниз от ее равновесного уровня. Пороговая форма выражения NAJRU имеет принципиальное значение для определения прогнозных значений инфляции, так как само по себе наличие "дефляционного барьера" в виде NAJRU является предпосылкой, позволяющей придать точный смысл связи инфляции с безработицей.

Важно отметить, что эту норму безработицы мы определяем как долгосрочную равновесную норму, которая отражает структурные и институциональные характеристики экономики, включая такие, как степень несбалансированности товарного рынка и рынка труда, издержки мобильности трудовых ресурсов, демографические факторы и др.

В практическом отношении расчеты в терминах взаимосвязи "инфляция - безработица" имеют фундаментальное значение для определения макроэкономических из-

держек инфляции и могут служить основой для рационального выбора между инфляцией и дефляцией в процессе формирования экономической политики. Именно в "балансировании" между инфляцией и безработицей должна заключаться основная цель стабилизационной политики, которая не только не нашла отражения в правительственных программах реформирования российской экономики, но даже и не поставлена как цель.

Не менее практическое значение имеет и оценка последствий для рынка труда проведение политики резкого ограничений темпов роста инфляции. И здесь важен принцип: чем выше инфляция, тем значительнее среда ее материализации и безработица, в которой инфляция находит свое отображение в другом явлении, а именно в процессах изменения занятости.

Возможно стоит здесь заметить, что подобный процесс взаимопревращения одного явления в другое (особенно таких сложных как инфляция и безработица), совершаемый через предельный переход и является предметом изучения философской диалектики.

Для структурного обоснования *NAJRU* определяющим является бихевиориальный (поведенческий) подход, основывающийся на том, что равновесный уровень занятости определяется в процессе выполнения инфляционных ожиданий и в ходе приспособления экономики и ее основных факторов (труда и капитала) к равновесному уровню реального спроса, отклонения от которого могут возникать под влиянием спросовых шоков и шоков предложения.

В этом случае принципиально важно дать обоснование равновесному уровню безработицы с позиции конфликтной теории инфляции,

согласно которой инфляция является неизбежным явлением нормально функционирующих политических институтов и понимается как средство улаживания конфликтов, связанных с получением конкурентных преимуществ при распределении национального дохода между трудом и капиталом через механизм, формирующий инфляционную спираль "цены - зарплата - цены". Инфляция возникает именно в силу того, что конфликт на почве распределения национального дохода провоцирует первоначальный импульс инфляционной спирали в процессе перераспределения национального дохода.

Согласно высказыванию Дж.-М. Кейнса, "благодаря непрерывному процессу инфляции правительство может скрытно конфисковать большую часть богатства нации".

Разумеется, у инфляции есть множество отрицательных последствий. Но наиболее разрушительный в то же время в наименьшей степени осознаваемый как раз и заключается в том, что уже в ближайшей перспективе инфляция неизбежно порождает широкомасштабную безработицу.

За всем этим стоит следующий экономический механизм: инфляция, создавая временный и фиктивный рост платежного спроса, позволяет тем самым занять на время дополнительно определенную массу трудящихся, а при резком торможении инфляции создаются условия для возникновения значительной безработицы, которая, как правило, и является неизбежным следствием ошибочной экономической политики, вызывающей инфляционный перегрев экономики.

Объяснение этому можно найти в том, что внутренней структурной причиной массовой безработицы

является несовпадение распределения трудовых ресурсов по отраслям с распределением спроса на продукцию этих отраслей. Подобные структурные рассогласования трудовых и материальных ресурсов с потоками продукции вызваны инфляционным искажением системы цен и заработков. Они могут быть устранены лишь посредством ее изменения за счет установления в каждом секторе экономики цен и заработков, обеспечивающих равенство спроса и предложения.

Поэтому понятно, что рост безработицы в своей определенной части можно объяснить именно отклонением цен и заработков от их равновесных уровней, которые сложились бы в условиях стабильных цен. И здесь принципиально важно понять, что **безработица, ее рост - неизбежное следствие инфляции.**

Такой вывод противоречит антиинфляционной доктрине отечественных либералов монетаристского толка, которая основывается на упрощенном подходе, будто инфляцию можно "обуздать" посредством кредитно-денежной политики безотнositельно издержек и социальных тягот, связанных с дезинфляцией, под которой обычно понимается либо резкое сокращение темпов инфляции, либо вообще ее прекращение, что в итоге может вызвать спад производства и увеличить безработицу.

В отношении социального аспекта безработицы отечественная философская мысль давно уже сформулировала свои принципы: "Человек, не имеющий общественной возможности кормить свою се-

мью честным трудом, есть трагическое явление безработного. У кого отнят смысл труда, тот перестает быть гражданином. Народ, находящийся в таком состоянии, не способен к государственному самоуправлению, к корпоративному строю, к демократии" (Иван Ильин).

Политика сокращения инфляции посредством резкого снижения занятости является весьма дорогостоящим процессом. И не только потому, что инфляция при такой стратегии снижается медленно по сравнению с темпами роста безработицы*, но главным образом потому, что решающую роль в антиинфляционном процессе играют факторы повышения деловой активности и роста производительности труда.

Монетаристы полагают, что не существует экономических барьеров для сокращения инфляции, хотя общеизвестно, что именно резкая дезинфляция начала 80-х годов нанесла существенный урон благосостоянию западных стран, вызвав в итоге значительный рост безработицы.

По оценке известного американского экономиста, советника президента США А. Оукзена, такое направление антиинфляционной политики в 70- годах для США оборачивалось потерями в среднем от 6% до 18% валового национального продукта. Это, быть может, наименее правильно понимаемая сторона инфляционного процесса. И причиной тому служит рассмотрение инфляции вне контекста изменений, вызываемых антиинфляционной политикой на рынке труда.

Эти оценки подтвердили расчеты Бюджетного комитета Конгресса США, согласно которым для того, чтобы достичь снижения на 1% темпа инфляции в 1980 г., необходимо было бы сокращать каждый год

* Согласно данным экономического доклада Конгресса США, для периода 1958-1993 гг. повышение уровня безработицы на 1% понижало инфляцию на 0,6% (Economic Report of the Congress of the United States. 1997).

федеральный бюджет, начиная с 1978 г. на сумму порядка 3-5% от валового национального продукта.

Основывающаяся на представленной выше теоретической базе проведенная нами экспериментально-расчетная оценка равновесного уровня безработицы, неускоряющего инфляцию в России, должна находиться для среднесрочного периода (1997-1998 гг.) в интервале 6-7% экономически активного населения. Превышение этого норматива безработицы фактически имевшей место в 1997 г. (9%) и в 1998 г. (12%), является итогом дефляционного шока этих лет.

Предопределенные резким торможением инфляции огромные масштабы безработицы естественным образом подводят к вопросу о макроэкономической цене снижения инфляции.

Если рост безработицы проно-

мировать ее равновесным, неускоряющим инфляцию уровнем, то потери от безработицы в результате дезинфляции в 1997 г. и 1998 г., по нашим экспериментальным расчетам, составили соответственно 5 и 11% ВВП.

И здесь исключительно важно отметить, что макроэкономические издержки дезинфляции включают в себя и потери, которые неизбежно несет экономика вследствие падения производительности труда в годы высокой, имеющей застойный характер безработицы. В целом высокий уровень экономических оценок характеризует громадное влияние инфляции на динамику ВВП.

Таким образом, инфляция, в конечном счете, увеличивает безработицу, дезорганизуя размещение трудовых ресурсов, и в этом заключается главный ущерб, наносимый инфляцией.

Стоит предостеречь от ошибочного часто встречающегося суждения в дискуссии по проблеме взаимосвязи "инфляция - безработица", когда приводят довод, согласно которому, инфляция влечет за собой простое перераспределение национального дохода, в то время как безработица уменьшает последний, являясь, таким образом, большим злом. Этот довод неверен, поскольку инфляция сама становится причиной увеличивающейся безработицы.

В конце концов, инфляция подрывает использование денег в качестве счетных единиц: она делает финансовые контракты рискованнее и неопределенней, сокращает информацию, содержащуюся в относительных ценах, и нарушает рациональное размещение ресурсов. Эта совокупность негативных результатов инфляции может стать достаточной, чтобы повергнуть социополитическую систему государства в глубокий кризис.

О такой опасности в начале XX в. предупреждал Дж.-М. Кейнс: "Нет более тонкого и более верного способа перевернуть существующий базис общества, чем подорвав его денежное обращение. В процесс вовлекаются все скрытые силы экономических законов, действующие как деструктивные..."⁶.

Верность этого суждения подтверждает социально-экономическое положение в начале 90-х годов, когда радикал-реформаторы ввергли Россию в инфляционную катастрофу.

Примечания

¹Чернов Ю. Антиинфляционная стратегия - основа эффективной политики доходов // Обозреватель-Observer. 2008. №1.

²Коммерсант. 1995. №1.

³Львов Д.С. Нужна ли России своя философия экономики? // Обозреватель-Observer. 2005. №5.

⁴Кейнс Дж.-М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1993. С. 432.

⁵Us Congressional Budget Office «Recovery with inflation». 1977.

⁶Collected Writing,s of John Maynard Keynes. Vol.2. London, 1972. P.145.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
SERVER E-mail:observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.